

**PHILOLOGY OF THE EAST**  
**Methodological Issues of Translation**  
**ФИЛОЛОГИЯ ВОСТОКА**  
**Методологические вопросы перевода**

Научная статья

Филологические науки

УДК 81'25 + 2-6

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2025-8-3-435-444>

**Некоторые особенности коммуникации:  
текст — переводчик — реципиент**

Сергей Юрьевич Лепехов

*Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия,*

*lepekhov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-8600-0783>*

**Аннотация.** В статье рассматриваются некоторые ограничения, которые требуется учитывать при переводе религиозного (в частности, буддийского) текста с языков оригинала на другие языки. Обращается внимание на необходимость переводить текст в соответствии с теми культурно-историческими реалиями, в которых он создавался, осознавать задачи, которые ставились автором при его создании, а также комментаторами при его истолковании и объяснении. Можно допустить, что смысловое пространство текста является потенциально безграничным, что позволяло в разные эпохи «вычитывать» из него разное содержание. По этой причине переводы одного и того же текста, сделанные в разное время, не будут совпадать между собой, и это не будет зависеть от совершенства перевода. С этим в том числе связаны ограничения возможности установления единообразия при переводе терминологии, хотя «термин» по определению его предполагает. Прокламируемая лингвистами независимость термина от контекста может быть реализуема только для идеального языка и идеального реципиента. В восточных языках широко используются многозначные и многосмысленные термины, для которых контекст или ситуация использования детерминирует конкретное, в данном случае — предметное и смысловое значение. В цепочке «текст–переводчик» переводчик попеременно выступает и как коммуникант, и как коммуникатор. Есть возможность и необходимость в некоторых случаях (особенно, если речь идет о буддизме) рассматривать его также и как текст. Исследуется проблема определения критериев проверки тождественности перевода исходному тексту. Предлагается считать удовлетворительным критерием сохранение основных смысловых функций текста при использовании понятий с несовпадающими значениями. Делается вывод о том, что для правильной передачи религиозного текста необходим учет всех значимых



Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Лепехов С. Ю., 2025

© Ориенталистика, 2025



культурно-исторических особенностей эпохи создания текста, личностных особенностей автора, лексических особенностей языка эпохи, субъективных особенностей потенциальных реципиентов.

**Ключевые слова:** коммуникация, сакральный текст, трансляция значения

**Благодарности:** Работа выполнена в рамках государственного задания «Государственно-религиозные отношения в странах современной Азии: правовые, историко-культурологические, философско-теологические аспекты» (FMSF-2025-0001).

**Для цитирования:** Лепехов С. Ю. Некоторые особенности коммуникации: текст — переводчик — реципиент. *Ориенталистика*. 2025;8(3):435–444. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2025-8-3-435-444>.

Original article

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2025-8-3-435-444>

Philology studies

## Some Features of Communication: Text — Translator — Recipient

Sergei Yu. Lepekhov

*Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS),  
Moscow, Russia, [lepekhov@yandex.ru](mailto:lepekhov@yandex.ru), <https://orcid.org/0009-0002-8600-0783>*

**Abstract.** The article deals with some limitations, which need to be taken into account when translating a religious (particularly Buddhist) text from its original languages into other languages. Attention is drawn to the necessity to translate the text according to its cultural and historical context, the tasks faced by its author, as well as the tasks of other scholars who interpreted it. It can be assumed that the semantic text potentially has no limits. This makes it possible to be “read” within the framework of various contents depending on different epochs. For this reason, translations of the same text made at different times would not coincide with each other. This fact limits the possibility of establishing consistency in the translation of technical terms, although the word “term” implies it by definition. The independence of a term from the context (as suggested by language specialists) can be “real” only for an “ideal” language and its “ideal” recipient. Oriental languages widely use polysemous and polysemantic terms for which the context determines specific subject and semantic meaning. In the chain “text-translator”, the translator acts alternatively as “communicant” and “communicator”. There is a possibility and necessity in some cases (especially when it comes to Buddhism) to consider it also as a text. The problem of determining the criteria for checking the identity of the translation with the source text is investigated. It is suggested that a satisfactory criterion is the preservation of the main semantic functions of the text when using concepts with inconsistent meanings. The conclusion is made that for the correct transmission of a religious text it is necessary to take into consider-



This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).



ation all the significant cultural and historical features of the epoch when text was created as well as the personal characteristics of the author, lexical features of the language of that epoch and subjective features of potential recipients.

**Keywords:** communication, sacred text, translation of meaning

**Acknowledgments:** The work was performed within the framework of the state assignment “State-religious relations in the countries of modern Asia: legal, historical, cultural, philosophical and theological aspects” (FMSF-2025-0001).

**For citation:** Lepekhov S. Yu. Some Features of Communication: Text — Translator — Recipient. *Orientalistica*. 2025;8(3):435–444. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2025-8-3-435-444>.

## Введение

В теории коммуникации язык рассматривается как основополагающая константа. На практике всегда в качестве модели используют какой-то определенный естественный язык. Затем в ее рамках определяется система синтаксических и семантических правил, описывается коммуникативный акт, решаются основные задачи, в число которых входят, по Р. Якобсону: определение характера контакта между участниками речевого акта; выявление общего кода, используемого адресантом и адресатом; изучение операций кодирования, осуществляемых адресантом, и способности декодирования у адресата; определение места данного сообщения в контексте окружающих сообщений; исследование возможных связей данного акта коммуникации с теми, что происходили в прошлом или предполагаются в будущем; решение вопроса «об отношении данного сообщения к универсуму дискурса» [Якобсон 1985, с. 319]. Но если мы имеем дело не с одним языком, а одновременно с несколькими, то понятно, что коммуникативный акт заметно усложняется и включает уже несколько адресантов и адресатов, а сам процесс коммуникации требует обращения не только к проблемам синтактики и семантики, но в значительной степени и прагматики, поскольку именно в ней возможно решение тех вопросов, с которыми сталкивается переводчик и его читатели.

Здесь речь идет о различных культурно-обусловленных языках, с которыми обычно и имеет дело переводчик. Но Ю. М. Лотман считал, что «акт коммуникации (в любом достаточно сложном и, следовательно, культурно ценном случае) следует рассматривать не как простое перемещение некоторого сообщения, остающегося адекватным самому себе, из сознания адресанта в сознание адресата, а как перевод некоторого текста с языка моего “я” на язык твоего “ты”» [Лотман 2000, с. 563]. Ясно, что здесь имеются в виду другие языки — языки субъектов, а не социумов, но общим для того и другого случая является понимание перевода с одного языка на другой как принципиально важного, ключевого фактора, собственно, и превращающего сообщение из механического перемещения информации в физическом и временном пространстве в акт коммуникации. Перевод, таким образом, является фундаментальным культуропорождающим механизмом, а не просто технической вспомогательной операцией по передачи смысла сообщения из одной языковой среды в другую.



Если ставить перед собой задачу рассмотрения проблемы перевода в рамках теории коммуникации и теории информации в теоретическом и практическом планах, то приходится столкнуться с необходимостью преодоления ряда ограничений в понимании и интерпретации, которые считаются само собой разумеющимися в традиционных работах по лингвистике, логике, теории коммуникации. Рассмотрению ряда таких ограничений и обсуждению возможных путей их преодоления и посвящена эта работа.

### **Определение объема информации текста**

В теории информации принято исходить из допущения, что исходный, передаваемый и получаемый объем текста при отсутствии помех является величиной постоянной. То есть предполагается, что после получения и считывания информации объем новизны исходного текста должен уменьшиться до нуля. В реальности все мы знаем, что один и тот же текст можно несколько раз перечитывать и каждый раз находить в нем нечто новое. При этом объем текста, измеренный в битах, не увеличился; он, вроде бы, остался прежним. Это происходит не только потому, что в тексте оставалась несконченная информация, а, главным образом, из-за того, что текст не может восприниматься нами полностью изолированно, без взаимодействия с другими текстами, прочитанными нами ранее, а также из-за направленности нашего сознания на решение определенных задач, работы подсознания, связей с текущим эмоциональным фоном и еще со многими другими особенностями функционирования психики.

Таким образом, объем информации текста можно считать величиной переменной, а его смысловой объем можно считать потенциально безграничным. Можно обратить внимание также на то обстоятельство, что в теории информации собственно информацией считается именно новое, еще не известное реципиенту сообщение. Повторение уже известной информации приравнивается здесь к отсутствию информации. Любому переводчику сакральных религиозных текстов известно, что в них нередко встречаются повторы одного и того же текста, которые для читателя, ориентированного на восприятие только нового содержания, являются чем-то ненужным, лишним, тем, что следует пропустить при чтении. Должен ли переводчик и редактор перевода подобного текста исходить из таких предпочтений читателя, и в своей работе следовать им? Религиоведы могут объяснить, что повторы в религиозном тексте имеют свой функциональный смысл, и если их произвольно удалить из текста, то это изменит и исказит его. Таким образом, повторение одного и того же содержания не всегда означает отсутствие информации.

Следует учитывать, что перевод текста на другой язык неизбежно сопряжен с изменениями в его текстовом окружении, изменениями, обусловленными особенностями тех культур психической деятельности, с которыми связан данный текст и, разумеется, со степенью подготовленности потенциальных реципиентов к восприятию текста. В некоторых восточных культурах и субкультурах восприятие определенных текстов предполагает одновременную целенаправленную работу сознания и других психических функций, обусловленную смысловым содержанием текста, что предполагает дополнительную специальную подготовку под руководством опытного знающего



наставника, без чего адекватное прочтение текста и его правильное понимание просто невозможно.

### Причины и цели обращения к тексту

При рассмотрении места текста в коммуникации важно учитывать причины и цели обращения к тексту реципиента, условий в которых состоялось такое обращение и возможные последствия. Во многих культурах обращение к текстам, последовательность таких обращений строго регулировалась. Для ряда текстов круг возможных реципиентов был жестко ограничен. Это объяснялось не только стремлением ограничить распространение информации за пределы определенного социального слоя и обеспечить себе таким образом сословное преимущество, но и необходимостью сохранять все требуемые условия для правильного осуществления определенных коммуникаций. Во многих сферах современного общества: политике, бизнесе, науке и т. д. фактически продолжают действовать такие же правила.

Цели коммуникации принято различать на коммуникативные (когда коммуникатор стремится, чтобы коммуникант воспринял и понял сообщение) и практические (когда предполагается, что в результате коммуникации коммуникант или его поведение каким-то образом изменятся). Коммуникация может быть непосредственной (при личном контакте коммуникатора и коммуниканта, и опосредованной, предполагающей начального коммуникатора, создающего исходный контент и цепочку передающих коммуникаторов [Гриненко, 2000, с. 207].

Передающие звенья в этой цепи свою основную трансляционную функцию могут исполнять по-разному: 1) могут стремиться сохранить исходный контент в неизменном виде, 2) передают контент в сокращенном виде, 3) дополняют исходный контент собственным содержанием, 3) сознательно изменяют контент в соответствии со своими собственными культурными, идеологическими или личными целями, 4) непреднамеренно изменяют исходный контент, сообразуясь со своими способностями к пониманию контента, возможностями его адекватной передачи. Существует еще такая возможность как 5) злостное намеренное искажение исходного контента с целью максимального затруднения его восприятия, фактически равносильное его уничтожению. Такая возможность существует в реальности, но здесь рассматривать ее нет необходимости.

Переводчик, очевидно, является одним из таких промежуточных коммуникаторов-посредников, его задачей является максимально полная передача исходного контента с минимальными искажениями, но при этом он ограничен определенными культурно-историческими условиями. К ним относятся: лексические возможности языка перевода, временное отстояние исходного текста и перевода, включенность исходного текста в базовую библиотеку текстов, знакомство с которой необходимо для его полного правильного понимания. Наконец, следует учитывать, что кроме тех целей и причин, которые побуждают коммуникатора вступить в коммуникацию или организовать ее, существуют также причины и цели коммуникантов, которые могут как совпадать с целями коммуникаторов, так и несколько от них отличаться. В любом случае



все условия, в которых протекает коммуникация, культурно и исторически опосредованы и вне такой опосредованности могут рассматриваться только абстрактно.

Содержательный объем теста с течением времени не остается неизменным. Библиотека текстов, с которыми сопряжено его восприятие постоянно увеличивается. Многие философские и религиозные тексты обрастают комментариями, знакомство с которыми считается таким же обязательным, как и знакомство с самим исходным текстом. При переводе к этой увеличивающейся базовой библиотеке культуры исходного текста добавляется еще одна, — формирующаяся применительно к тексту сделанного перевода и также постоянно увеличивающаяся библиотека культуры текста перевода. При переводе на другие языки соответственно увеличивается объем библиотеки, привязанной к данному тексту, и возникает проблема соотнесения переводов на различные языки между собой. Таким образом, коммуникативная цепочка становится разветвленной, увеличивается число возможных зон восприятия текста и количество потенциальных (актуальных и неактуальных) коммуникантов и точек соотнесения коммуникаторов и коммуникантов.

Для правильного понимания текста необходимо, чтобы коммуникатор и коммуникант приписывали термину одно и то же значение. Вместе с тем случай, когда коммуникатор использует только те термины, значение которых ему точно известно, следует считать идеальным, на практике вполне возможны случаи, когда коммуникатор использует термины, о которых ему только кажется, что он их знает, а в действительности он приписывает им ошибочное значение. Еще чаще встречаются ситуации, когда референция зависит от особых дополнительных условий и, в одних случаях, термину приписывается одно значение, а в других — другое. Таким образом, коммуниканту требуется для правильного понимания знать не только точное значение всех используемых в тексте терминов, но и всех условий, которые регулируют порядок их употребления в различных ситуациях. Ситуация, когда референция полностью совпадает у коммуникатора и коммуниканта на практике случается не всегда, и чаще возможны семантики с провалами значений как у коммуникаторов, так и у коммуникантов. При переводе текста на другие языки добавляется проблема однозначного соотнесения значений термина в различных языках.

### **Факторы, влияющие на восприятие текста**

Полная передача текста коммуникатором коммуниканту предусматривает абсолютно адекватное восприятие коммуникантом всех значений, вкладываемых коммуникантом в текст. На практике коммуникант воспринимает только некоторые значения, а также может усматривать в тексте такие значения, которые не предусматривал коммуникатор. Более того, если рассмотреть случай автокоммуникации, т. е. когда коммуникатор воспринимает свое собственное сообщение, то описываемый выше идеальный случай однозначной референции отправителя и адресата возможен только в случае одномоментной коммуникации. С течением времени восприятие собственного текста автором может измениться. Текст может продуцироваться еще до того, как он передается в процессе коммуникации, и авторское прочтение текста в момент пер-





вого вступления в коммуникацию может отличаться от последующих коммуникаций, в которых он принимает участие. Каноническое или традиционное прочтение текста нередко отличается от авторского, и именно по нему обычно оценивается адекватность прочтения и понимания.

Значение терминов с течением времени может изменяться и испытывает влияние не только того контекста, который присутствует в самом тексте, но и того контекста, который создается определенной средой, эпохой и всегда детерминирован культурно-историческими факторами. В разные эпохи из него могут «вычитываться» разные содержания. По этой причине переводы одного и того же текста, сделанные в разное время, не будут совпадать между собой, и это не будет зависеть от совершенства перевода. С этим в том числе связаны ограничения возможности установления единообразия при переводе терминологии, хотя «термин» по определению его предполагает. Прокламируемая лингвистами независимость термина от контекста может быть реализуема только для идеального языка и идеального реципиента. В восточных языках широко используются многозначные и многосмысленные термины, для которых контекст или ситуация использования детерминирует конкретное, в данном случае — предметное и смысловое значение.

В семиотике описывается ситуация, когда предложение, формально полное в максимальном смысле с логической точки зрения, но взятое в изоляции, остается семантически неполным. Аналогичным образом можно рассматривать и тексты. Некоторые тексты можно рассматривать как полные не только формально, но и как семантически замкнутые. Другие являются семантически открытыми и, хотя формально они полны, но максимальной семантической полноты достигают только при рассмотрении в связи со смысловым содержанием других текстов. При учете возможности появления других текстов из этой же группы (открытия неизвестных ранее текстов, написание новых), достижение полноты является точкой в некотором будущем, к которой они могут асимптотически приблизиться, но которой никогда не достигнут. Смысловое содержание подобных текстов также, соответственно, будет постоянно меняться, а с ними и содержание переводов.

Здесь возникает проблема идентификации текста: по каким критериям его можно будет считать тождественным исходному тексту, если — как в древнегреческой логической задаче о постоянно ремонтирующемся корабле — у него будут заменены все части. Решение может быть найдено, если обратиться к функциональной задаче, которую должен выполнять текст по замыслу изначального коммуникатора. Сохранение функции при использовании понятий с несопадающими значениями может быть хорошим критерием удовлетворительного соответствия перевода оригиналу, поскольку полное тождество в силу перечисленных причин, а также и других, здесь не перечисленных, — невозможно.

При передаче смысла текста переводчик не должен упускать и такой важной составляющей, как эмоциональная окрашенность сообщения. Как отмечают многие современные авторы, учет эмоций в когнитивном восприятии (следовательно, и при передаче смыслового содержания сообщения) необходим [Zaitseva 2023, p. 125, Montague, 2017, Vigliocco, Kousta, Della Rosa et al.,



2014]. Если переводчик не понял скрытой иронии, содержащейся в тексте, он может придать переводимому выражению смысл противоположный тому, который вкладывал в него ~~хотел сообщить~~ автор. Учет эмоционального фона позволяет лучше понять характер отношений между различными авторами и тоньше ощутить интеллектуальную атмосферу описываемой эпохи. Полисемантичность религиозных текстов в определенной степени усложняет определение эмоциональной тональности и требует более точной его контекстуальной привязки.

На полисемантичность сакрального текста указывает П. Н. Костылев, отмечая, что такой текст имеет множество смыслов по определению, «отраженных в типологии потенциальных толкователей (один видит одно, другой — другое); каждый из смыслов истинен, будучи проявлением одного из многочисленных аспектов сакральной реальности, то ли исходной для сакрального текста, то ли с необходимостью исходящей из него» [Костылев 2006, с. 141].

Когда речь идет о текстах индийской религиозно-философской традиции, в том числе и буддийских, для достижения полной реализации всех задач, поставленных в тексте, требуется не только правильно понять все мысли, которые стремился передать автор, но и привести в соответствие с ними состояние своего сознания и всей психики. Только при этом условии содержание текста будет воспринято полностью правильно и полно.

Здесь уже можно говорить не только о тождественности смысловых содержаний продуцируемых текстов, передаваемых по коммуникативной цепочке, но о тождественности коммуникаторов и коммуникантов, а также их тождественности тексту. Вступая в коммуникацию изначально с различными целями и по разным причинам, коммуниканты, знакомясь с буддийскими текстами, постепенно сближают их с целями коммуникаторов и сближаются с ними и между собой. Подобные сближения могут достигать в некоторых случаях такой степени, что можно говорить о коллективных коммуникаторах. Таким же образом группу родственных текстов можно рассматривать как подтексты одного единого мегатекста. Если объединить — кроме реальных коммуникаторов и коммуникантов — еще и всех возможных потенциальных участников коммуникации, а также всех акторов прежних коммуникаций, то можно рассмотреть некую возможную мегакоммуникацию, в рамках которой вполне реально исследовать коммуникативные акты, как это делал, к примеру, Федор Ипполитович Щербатской в своей «Буддийской логике» (см.: [Щербатской, 1988]).

### Заключение

Подведем некоторые выводы. Точность перевода предполагает в качестве основы признание наличия смысловой определенности авторского замысла. При всем том, что прочтение текста реципиентом неизбежно субъективно и допускает изменение (приспособление) изначального смысла текста в соответствии с экзистенциальной ситуацией воспринимающего текст, все же определенность и известная законченность исходного текста не должна подвергаться сомнению. В противном случае под сомнением оказывается сама ситуа-





ция коммуникации (передается ли в таком случае что-нибудь вообще?) при всех дальнейших интерпретациях текста — редактированиях, исправлениях, «очищениях», в том числе и переводах, и т. д. Совершенно необходима документально зафиксированная констатация всех манипуляций с тестом, что обычно входило в традицию всех изданий религиозных текстов на Востоке, в том числе и во всех буддийских направлениях.

Переводчик не может намеренно исказить текст, ссылаясь на свое «авторское видение», «субъективное восприятие» текста. Переводчик — не автор, он всего лишь транслятор не ему принадлежащих идей и образов. Искажение текста возможно только в силу недостаточного или неправильного понимания — неумышленно, по причине недостатка знаний или неопытности. Среди средневековых переводчиков буддийских текстов в колофонах было принято извиняться за возможные ошибки, допущенные при переводе. Для правильной передачи религиозного текста необходим учет всех значимых культурно-исторических особенностей эпохи создания текста, личностных особенностей автора, лексических особенностей языка той эпохи, субъективных особенностей потенциальных реципиентов. Эти особенности должны учитываться при обучении переводчиков, издании буддийских текстов, организации современного буддийского образования и исследовании памятников буддийской культуры.

#### Список литературы / References

1. Гриненко Г. В. *Сакральные тексты и сакральная коммуникация. Логико-семантический анализ вербальной магии*. М.: Новый век, 2000 [Grinenko G. V. *Sacred texts and sacred communication: Logical and semantic analysis of verbal magic*. Moscow: Novy Vek, 2000 (in Russian)].
2. Костылев П. Н. Функции сакрального текста и сакральной коммуникации в контексте антропологии мистических систем. *Проблема текста в гуманитарных исследованиях*. М.: Савин, 2006. С. 141–143 [Kostylev P. N. The functions of the sacred text and sacred communication in the context of the anthropology of mystical systems. *The problem of text in humanitarian research*. Moscow: Publisher Savin, 2006, pp. 141–143 (in Russian)].
3. Лотман Ю. М. Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума. В: Лотман Ю. М. *Семiosфера*. СПб.: Искусство–СПб, 2000. С. 557–567 [Lotman Yu. M. Culture as collective intelligence and the problems of artificial intelligence. In: Lotman Yu. M. *Semiosphere*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb, 2000, pp. 557–567 (in Russian)].
4. Щербатской Ф. И. Буддийская логика. Введение. В: Щербатской Ф. И. *Избранные труды по буддизму*. М.: Наука; ГРВЛ, 1988. С. 54–111 [Shcherbatskoy F. I. Buddhist logic. Introduction. In: Shcherbatskoy F. I. *Selected works on Buddhism*. Moscow: Nauka; GRVL, 1988, pp. 54–111 (in Russian)].
5. Якобсон Р. *Избранные работы*. М.: Прогресс, 1985. [Yakobson R. *Selected works*. Moscow: Progress, 1985 (in Russian)]
6. Montague M. A Contemporary View of Brentano's Theory of Emotion. *The Monist*. 2017. Vol. 100. No. 1, pp. 64–87.



7. Stcherbatsky Th. *Buddhist Logic*. Vol. 1–2. Delhi: Motilal Banarsidass Publ., 2008.
8. Vigliocco G., Kousta S. T., Della Rosa H. A. et al. The Neural Representation of Abstract Words: The Role of Emotion. *Cerebral Cortex*. 2014. Vol. 24. No. 7, pp. 1767–1777.
9. Zaitseva N. V. Argumentation from a Cognitive Perspective. *Epistemology & Philosophy of Science*. 2023. Vol. 60. No. 1, pp. 115–130.

#### Информация об авторе

**Лепехов Сергей Юрьевич** — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Центр «Государство и религия в Азии», Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, Москва, Россия; lepekhov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-8600-0783>.

#### Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

#### Информация о статье

Статья поступила в редакцию 04.02.2025; одобрена рецензентами 10.03.2025; принята к публикации 15.03.2025; опубликована 10.10.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

#### Information about the author

**Sergey Yu. Lepekhov** — Dr. habil. (Philosophy), Professor, Chief Researcher, Center for State and Religion in Asia, Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; lepekhov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-8600-0783>.

#### Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

#### Article info

The article was submitted 04.02.2025; approved after reviewing 10.03.2025; accepted for publication 15.03.2025; published 10.10.2025.

The author has read and approved the final manuscript.